

ОВИДИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОНТА.

(Историографический обзор)

История изучения понтийских произведений Овидия как источника наших знаний об исторической ситуации на Нижнем Дунае на рубеже н. э. представляется весьма поучительной с двух точек зрения. Во-первых, она ярко характеризует общее состояние исторических и источниковедческих штудий на разных этапах развития историографии нового времени, во-вторых, на примере отношения историков к наследию великого поэта отчетливо прослеживаются основные тенденции в подходе к поэтическому тексту как историческому источнику и в оценке степени достоверности информации, заключенной в сочинениях неисториографических жанров. Поэзия и история — так можно было бы назвать совокупность проблем, вставших в связи с изучением творчества Овидия в источниковедческом аспекте.

Для того, чтобы яснее понять, вокруг чего ломают копья несколько поколений историков и филологов, необходимо кратко суммировать основные сведения, сообщаемые Овидием об истории Том и Нижнего Дуная в «Тристиях», «Скорбных элегиях» и «Посланиях с Понта», написанных в ссылке в Томах (совр. Констанца в Румынии) в 9—16 гг. н. э.

По словам поэта, он сослан в «отдаленнейшую окраину мира», дальше которой нет ничего, кроме необитаемой из-за морозов земли, живет у устьев Дуная. Страна эта лежит под созвездиями Медведиц, здесь рождается северный ветер Борей, поэтому климат здесь прямо-таки «полярный»: круглый год стоит зима, снег не тает иногда по два года, ежегодно покрываются льдом Понт и Истр, застывают озера; вино, вынутое из сосуда, сохраняет его форму, поэтому его едят кусочками, и т. д. Под стать климату и ландшафт: унылая, однообразная пустыня лишена леса и всякой другой растительности — только горькая полынь торчит среди необработываемых полей. Земля не родит здесь ни яблоч, ни винограда, земледелием никто не занимается из-за страха перед варварскими набегами. Даже вода здесь почти непригодная для питья, с большой примесью соли и ила.

Страну своего обитания Овидий называет Скифией, Понтом, Левым Понтом, Сарматской или Гетской страной, Томитанской землей. Город, в котором живет ссылке поэт, был основан выходцами из Милета, но в результате их смешения с местным гетским населением как сам город, так и все западное побережье Понта утратили свой эллинский облик. Греки переняли у варваров их костюм, включающий «персидские штаны», одеваются в шкуры и, как варвары, не стригут волос и бород. Немногие из них сохранили остатки греческого языка, но и те уже побеждены гетскими звуками. В самом городе большую часть домов занимают варвары; скифы, сарматы и геты разъезжают по улицам на лошадях в полном боевом снаряжении, прямо на форуме устраивают кровавые драки и внушают всем ужас своей дикостью и воинственностью. Овидий постоянно жалуется, что живет среди сарматов и гетов.

В городе вокруг Овидия звучит почти только гетская, скифская, сарматская и фракийская речь. Никто не знает здесь латинского языка, так что Овидия никто не понимает, здесь варвар — он сам и вынужден объясняться с местными жителями жестами, в то время как греки разговаривают с варварами на каком-то общем наречии. Поэтому некому прочесть свои стихи, не с кем побеседовать, в Томах он — единственный римлянин. Постепенно Овидий невольно выучивает местные варварские языки, гет-

ский и сарматский, и вступает в беседы с гетами, сарматами и скифами. В одном из последних «Посланий с Понта» Овидий рассказывает, что он даже написал на гетском языке поэму в честь Августа и членов его семьи и выступил с ее рецитацией перед гетами, которым очень понравились эти стихи.

Некоторым диссонансом с такой картиной варваризации Том звучат редкие признания Овидия (особенно в последних «Посланиях с Понта») об авторитете, каким он пользуется в греческой общине города, о жреческих функциях самого Овидия в культе Августа, о его участии в общественно-политической и культурной жизни греческого полиса (например, об устройстве им на свои средства игр в честь Августа). Овидий с гордостью сообщает о том, что греческие общины Том и других соседних городов Западного Понта почтили его специальным декретом о снятии налоговых повинностей и увенчали поэта почетным венком. Понтийские произведения были даже переведены томитами на греческий язык.

Если для внутригородской обстановки, как хотел показать Овидий, была характерна атмосфера страха перед местными варварами-горожанами, то в еще большей степени терроризировала греческий город угроза внешнего нападения. По словам Овидия, Томы были тесно окружены дикими воинственными и «плохо замиренными» варварскими племенами, живущими грабежом и разбоем (геты, скифы, сарматы, языги, бастарны, бессы, кораллы, синты). Замерзающий зимой Истр уже не сдерживает орды кочевников, которые переправляются по льду реки и опустошают прилегающие к Дунаю местности. Вооруженные луками и стрелами всадники часто подступают к стенам самих Том, захватывают в плен тех, кто не успел скрыться за стенами города, забрасывают улицы и дома Том стрелами, смазанными змеиным ядом. Город обнесен стеной, низкой и непрочной, и, когда дозорные на башнях объявляют тревогу, на защиту города поднимаются все его жители, даже сам Овидий.

Трижды рассказывает Овидий о взятии гетами двух крепостей, расположенных в нижнем течении Дуная (Эггисс и Тресмис), и об успешных действиях римских легионеров и солдат одрисского царя.

Мы видим, таким образом, что все сообщаемое Овидием о местной жизни сводится к трем основным мотивам: неудобства местных климатических и географических условий, варварское окружение внутри города и постоянная угроза внешнего нападения. Складывающаяся картина обладает внутренней системностью и убедительностью, Овидий, рисуя ее, достаточно последователен и логичен, это — цельная и законченная картина всеобъемлющего варварства, среди которого вынужден жить поэт. Как же восприняли ее исследователи истории Западного Причерноморья и филологи-овидиеведы?

Поскольку произведения Овидия понтийского периода рассматриваются в любом пособии по римской литературе, в любом обзоре его творчества¹, мы не станем задерживаться на их анализе. Наше внимание будет обращено лишь на те работы, которые посвящены непосредственно изучению произведений Овидия как исторического источника.

¹ См. далеко не полный обзор работ по Овидию в кн.: E. P a r a t o r e, *Bibliografia Ovidiana*, Sulmona, 1958. Из интересных зарубежных работ послевоенного времени, которые имеют литературоведческий характер, здесь можно упомянуть о трудах Г. Френкеля (1945), Л. Р. Уилкинсон (1955), И. Буино (1957), Ф. Штессля (1959), С. Д'Элиа (1959), Г. Лука (1961), Э. Дж. Кенней (1965), Й. Бенедума (1967), Г. Г. Фреша (1968), Р. Дж. Дикинсона (1973) и др. По сей день сохраняют свое значение энциклопедические сводки основных проблем творчества Овидия: M. S c h a n z, *Geschichte der römischen Litteratur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian*, II, 1, München, 1911; E. M a r t i n i, *Einleitung zu Ovid*, Brünn—Prag—Leipzig—Wien, 1933; W. K r a u s, P. Ovidius Naso, RE, 36, 1942.

Зарубежная историография

Проблема интерпретации сведений Овидия об истории Западного Понта, заключенных в «Тристиях» и «Посланиях с Понта», возникла в европейской науке еще в прошлом веке². Однако особенно активно она стала разрабатываться лишь в начале XX в. Овидий в стране гетов — так можно охарактеризовать тему примерно десятка публикаций, появившихся в первой половине нашего столетия. Основное внимание здесь обращалось на отбор и систематизацию сведений Овидия о стране, разбросанных по его произведениям, а также на их историческую оценку. Отсюда — описательный характер большинства работ такого рода.

Поскольку древняя история Западного Причерноморья была в то время изучена недостаточно глубоко (нумизматический и эпиграфический материал еще только собирался, а систематических археологических раскопок вообще не проводилось), сведения Овидия рассматривались, как правило, в отрыве от конкретно-исторического материала. А так как картина, нарисованная Овидием, в главных ее чертах вполне вписывалась в общее представление о характере процессов, протекавших в начале н. э. в низовьях Дуная, то вопрос о достоверности этой картины в целом решался положительно.

К. Братеску³, А. Фридрих⁴, Г. Брэдфорд⁵, Х. Геман⁶, К. Престон⁷, Р. Кун⁸, Х. Лулофс⁹, а также Э. Галлетье¹⁰ и Ш. Фавэ¹¹ в своих работах, посвященных специально анализу свидетельств Овидия о Томах, местных греках и варварах, этнолингвистической ситуации в греческом городе и другим проблемам истории Нижнего Дуная, большую часть Овидиевых данных признают вполне достоверной.

Поскольку проблема варваризации Том является ключевой для оценки географического, этносоциального, политического, лингвистического и культурного положения городов Западного Понта, то именно ее освещение в историографии представляет для нас особый интерес и именно на этот аспект целесообразно обратить особое внимание.

Все перечисленные авторы не сомневаются в сильной гетизации греческого населения Том. Ш. Фавэ, например, считает, что «варварский элемент (геты и сарматы) постепенно возобладал над греческим, если не вытеснил его вообще»¹². Никто из исследователей не сомневается в широком распространении в Томах местных варварских языков и в написании Овидием «гетской поэмы», что является, по их мнению, подтверждением варваризации Том.

Пересказ Овидиевых сведений без серьезного источниковедческого анализа — характерная черта этих работ¹³. Она, кстати сказать, небезын-

² Одним из первых исследований, посвященных этой проблематике, является, по-видимому, работа (оставшаяся нам, к сожалению, недоступной): A. S o u q u e t, *La Dacia antica ed Ovidio Nasone*, Nizza, 1884.

³ C. B r a t e s c u, *Dobrogea la Ovidiu*, «Annuar de geografia si antropogeografia», II, București, 1940—1941.

⁴ A. F r i e d r i c h, *Quid Ovidius de regionum in Ponti Euxini ora occidentali rebus ac cultu memoriae prodiderit*, Teplitz, 1912.

⁵ G. B r e a d f o r d, *Ovid among the Goths*, «Yale Review», N. S., 1915, vol. 4.

⁶ H. S. G e h m a n, *Ovid's Experience with Languages at Tomi*, CJ, XI, 1915.

⁷ K. P r e s t o n, *An Author in Exile*, CJ, XIII, 6, 1918.

⁸ R. H. C o o n, *Ovid in Exile*, CJ, XXII, 5, 1927.

⁹ H. J. L u l o f s, *Ovidius in het Getenland*, 1928.

¹⁰ E. G a l l e t t i e r, *Les préoccupations littéraires d'Ovide pendant son exil*, REA, XLII, 1940.

¹¹ Ch. F a v e z, *Les Gètes et leur pays vus Ovide*, «Latomus», X, fasc. 4, 1951.

¹² F a v e z, *Les Gètes...*, стр. 429.

¹³ Особенно характерен этот прием для работ А. Фридриха и Ш. Фавэ, сами названия которых предполагают описательный метод изложения (ср. название труда

интересна и для понимания того, как должны были воспринимать картину местной жизни, рисуемую Овидием, его римские читатели.

Конечно, указанные работы не ограничиваются таким пересказом. Некоторые исследователи сделали ряд интересных наблюдений, проливающих свет на отдельные противоречия в высказываниях Овидия по поводу деталей местной жизни. Так, А. Фридрих, подробно изложив рассказы Овидия о местном климате, городе, варварах и т. д., и подчеркнув, что сообщаемые им сведения в целом отвечали действительности, замечает, что, поскольку Овидий был все же поэтом, а не историком, в его изображении есть преувеличения, а иногда и противоречия. В частности, Фридрих отметил противоречие между гетским, по Овидию, обликом Том и чисто греческим характером полисного устройства города, который, судя по нумизматике, уже при Овидии был столицей (метрополией) объединения западнопонтийских городов¹⁴. Однако это замечание оказалось повисшим в воздухе и не привело к каким-либо выводам источниковедческого порядка.

Слова Овидия о том, что никто в Томах не говорил на латыни, кажутся Х. Геман преувеличением, продиктованным стремлением поэта представить свое положение в как можно более мрачном свете¹⁵. Но и это замечание потонуло в доверчивом пересказе того, как гетизировались греки, утратившие свои обычаи, костюм, чистоту греческого языка и т. д.

Наиболее критически настроенная К. Престон, поставившая целью рассмотреть свидетельств Овидия «in an unsentimental way», справедливо отмечает тенденциозность Овидия, не видевшего вокруг себя в ссылке ничего хорошего¹⁶. По ее мнению, Овидий, как истинный poeta doctus, мало интересовался окружающей его жизнью, художественно, в духе александрийской поэзии, расцвечивая свои произведения экзотическими, колоритными подробностями вроде рассказа старого гета об Оресте и Пиларе в Ер. III, 2¹⁷. Тем не менее К. Престон не сомневается в достоверности слов Овидия о гетизации греков, испорченности их языка под влиянием гетского, о том, что сам он овладел варварскими языками и т. д.

С середины 50-х гг. интерес к творчеству Овидия резко возрастает в связи с отмечавшимся в 1958 г. 2000-летним юбилеем со дня рождения поэта. В 1957 г. в Румынии вышел специальный сборник статей¹⁸, в 1958 г. в Сульмоне, на родине Овидия, был проведен Международный конгресс овидиеведов, материалы которого были опубликованы через год в Риме под редакцией Э. Параторе¹⁹. В том же году в Риме появился том «Овидиевских штудий», содержащий ряд интересных статей²⁰. В 1958 г. в Париже под редакцией Н. Эреску вышел в свет сборник исследований, посвященных творчеству поэта²¹.

В этих сборниках для нас особый интерес представляют статьи Н. Ласку, Р. Вудше, Ск. Ламбрино и Е. Лозована, в которых, наряду с обычным пересказом Овидиевых сведений о различных сторонах истории и культуры Западного Понта, впервые ставятся и общие вопросы достоверности этих сведений. Такова, например, большая статья Н. Ласку «Зем-

Фридриха: «Что поведал Овидий о жизни и правах в районе Западного берега Эвксинского Понта?» или Фавз: «Геты и их земля с точки зрения Овидия»).

¹⁴ Friedrich, Quid Ovidius..., стр. 17.

¹⁵ G e h m a n, Ovid's Experience..., стр. 52—53.

¹⁶ P r e s t o n, An Author in Exile, стр. 419.

¹⁷ Там же, стр. 417.

¹⁸ Publius Ovidius Naso. XLIII î. e. n.—MCMLVII e. n., București, 1957.

¹⁹ Atti del Convegno internazionale Ovidiano, Sulmona, 1958, v. I—II, Roma, 1959.

²⁰ Studi Ovidiani, Roma, 1959.

²¹ Ovidiana. Recherches sur Ovide, P., 1958.

ля и древние обитатели нашей страны в произведениях Овидия периода ссылки»²². Отметив, что до него исторические, географические и этнографические данные Овидия использовались в основном потребительски, когда из контекста вырывалось то или иное сообщение, Н. Ласку в кратком Введении ставит ряд проблем общеисточниковедческого порядка. В частности, исследователь подчеркивает поэтический характер Овидиева творчества, мощную силу воображения, присущую поэту, сильное влияние риторики, предполагающее использование стереотипных приемов и клише в описании поэтических объектов, особенности поэзии александрийской школы. Все это, по мнению Н. Ласку, в ряде случаев снижает точность и достоверность отображения действительности. Источниковедческая ценность Овидиевых свидетельств уменьшается также из-за тенденциозного стремления Овидия усилить мрачные тона в рисуемой им картине, желанием разжалобить своих римских адресатов и вымолить у Августа прощение²³.

Далее Н. Ласку последовательно рассматривает сведения Овидия о географическом положении Добруджи, ее климате, растительности, сельском хозяйстве, местном варварском населении вокруг Том и в самом городе, варварах за Дунаем. Постоянное сопоставление данных Овидия с известиями других античных авторов, а также с историко-археологическим материалом, накопленным румынской наукой, дало Н. Ласку возможность констатировать ряд противоречий между сообщениями Овидия и реальной действительностью, в частности между частыми упоминаниями о сарматах и отсутствием археологических данных о сарматах южнее Дуная в рассматриваемое время²⁴, а также между утверждением Овидия о сильной варваризации Том и греческого языка, с одной стороны, и типично эллинистическим характером городских институтов и чистой греческого языка, дошедшего в надписях Том этого времени,— с другой²⁵.

В то же время Н. Ласку считает большинство сведений Овидия заслуживающими доверия и, по-видимому, не сомневается в распространенности в Томах варварских языков и в том, что поэт овладел ими. В других своих работах²⁶ Н. Ласку придерживается тех же взглядов.

Источниковедческой ценности томитанского творчества Овидия посвящена интересная статья Е. Лозована «Понтийские реалии и литературные традиции у Овидия»²⁷. В предисловии²⁸ автор со всей резкостью ставит вопрос о противоречии между поэтической, сугубо личной формой Овидиевых сочинений в ссылке и склонностью историков видеть в них «документальные данные о землях и народах Нижнего Дуная», своего рода «гетскую энциклопедию». Лозован задается вопросом, мог ли Овидий быть объективным в своих описаниях, коль скоро единственной его целью было вызвать жалость у своих римских друзей и покровителей, убедить их в необходимости сменить ему место ссылки. Исследователь справедливо протестует против слишком широкой географической экстраполяции све-

²² N. L a s c u, Pămîntul și vechii locuitori ai țării noastre în opera din exil a lui Ovidiu, в кн.: «Publius Ovidius Naso...»; краткое изложение на итальянском языке см. «Notizie di Ovidio sui Geto-Daci», «Maia», 1958, N. S., 10, 4 oct.-dec., стр. 307—316.

²³ Там же, стр. 119—125.

²⁴ Там же, стр. 156—160. Автор объясняет употребление сарматского этнонима у Овидия склонностью ученого поэта к редким и экзотическим названиям.

²⁵ Там же, стр. 161—168. Ласку говорит в этой связи о тенденции поэта к преувеличению, чтобы подчеркнуть свою полную изоляцию от цивилизованного мира.

²⁶ См. Ovidiu omul și poetul, Cluj, 1971 (ср. также сокращенный перевод этой популярной книги на французский язык: O v i d e, Le poète exilé à Tomi, Constantza, 1971).

²⁷ E. L o z o v a n, Réalités pontiques et nécessités littéraires chez Ovide, «Atti del Convegno...», II.

²⁸ Там же, стр. 355—357.

дений Овидия, которому были известны только Тома и — в лучшем случае — их ближайшие окрестности. Далее Лозован показывает, что многие сведения Овидия взяты им не из личного опыта и наблюдений за жизнью Том, но основаны на литературных источниках (Геродот, Страбон, Вергилий и т. д.). Это касается и описаний климата, варваров, способов ведения войны, которые на фоне римского и — шире — античного восприятия варваров «Скифии», показанного Лозованом на большом материале источников, выглядят далеко не оригинально. Только в контексте литературных стереотипов, ставших в римской литературе и у Овидия своего рода клише, по мнению Лозована, можно проследить, что из сведений Овидия не выходит за рамки ходячих избитых образов, а что можно считать плодом его непосредственных наблюдений.

Однако, ограничившись неудачным, на наш взгляд, примером этнической неопределенности, по Овидию, населения Том, которая отличается от якобы точной и четкой диатезы Страбоновых племен в этом регионе (VII, 5, 2—3) и кажется Лозовану происходящей от действительного положения дел, автор приводит далее множество высказываний Овидия, в каждом из которых он находит элемент либо преувеличения, либо тенденциозного искажения исторической действительности. Это относится и к словам Овидия о жалких остатках (*vestigia*) греческого языка у обитателей Том (Лозован приводит данные эпитафики и истории, свидетельствующие о высоком уровне культурного развития томитов), и к постоянным жалобам поэта на абсолютное отсутствие латиноязычного элемента в населении Том (Овидий сам противоречит себе, приводя немало сведений о римлянах в Томах), и к вопросу об общем культурном уровне обитателей города, о развитии сельского хозяйства, водоснабжении и т. д.

Из окружающего поэт отбирает лишь то, что созвучно состоянию его души, его стремлению изобразить свою жизнь в изгнании как можно более тяжелой. Отсюда, по мнению Лозована, проистекает малая ценность Овидиевой исторической информации. Вместе с тем автор оставляет в стороне от критического анализа проблему варваризации Том, не сомневаясь, как видно, в засилье гетского языка в городе и в факте написания Овидием «гетской поэмы». В специальной статье «Овидий и билингвизм», появившейся почти одновременно с разобранной выше работой²⁹, Лозован доверчиво пересказывает слова Овидия о том, что он овладел гетским и сарматским языками, о его тесном общении с варварами Том и о произнесении им перед гетами стихотворения, написанного на гетском языке. «Можно предположить, — пишет Лозован, — и это не будет слишком смело, что, признанный истинным певцом понтийского побережья, Овидий к концу своей жизни приспособился к гетской жизни...» и стал двуязычным (латинским и гетским) поэтом³⁰. Приятие этого «факта» позволило Лозовану поставить вопрос о наличии в гетском языке оппозиции долгих и кратких гласных, а также о лексическом и стилистическом богатстве и развитости гетского языка.

Нельзя не обратить внимания на противоречие, в которое впадает исследователь, отстаивая, с одной стороны, чистоту эллинской культуры и языка томитов и находя множество примеров поэтической трансформации исторических реалий, обусловленной характером творчества Овидия в изгнании, и признавая — с другой — широкое распространение в городе гетского языка и его носителей, а следовательно, сильную варваризацию Том и видя в этом свидетельстве отражение достоверных фактов. Непоследовательность и противоречивость в интерпретации однопорядко-

²⁹ E. L o z o v a n, *Ovide et le bilinguisme*, «Ovidiana...», стр. 396—403.

³⁰ Там же, стр. 403.

вых данных этнического (гетизация Том) и лингвистического (Овидий в состоянии выучить гетский язык) характера — черта почти всех работ такого рода.

Так, Н. Эреску в статьях «Гетский поэт» и «Овидий Гетский», появившихся в тех же изданиях, что и статья Лозована³¹, подвергает сомнению достоверность некоторых свидетельств Овидия (об отсутствии латинского элемента и плачевном состоянии греческой общины Том, о забвении поэтом латыни и т. д.), но призывает тем не менее верить поэту, когда он говорит, что выучил гетский язык. Характерно, что это привело Эреску к исторически неверному отождествлению греков, которые почтили Овидия снятием с него налогов и присуждением почетного венка, с гетами, чье признание будто бы добивался знаменитый римский поэт³².

Доверие к свидетельству Овидия о написании им гетской поэмы обнаруживается также в работах Д. Адамештяну³³, В. Буэску³⁴, Ск. Ламбрино³⁵, помещенных в тех же юбилейных сборниках. В статье последнего, названной «Греко-гетский город Томы у Овидия», словам Овидия о прочтении им гетской поэмы перед гетской аудиторией придается особое значение в связи с обоснованием Ск. Ламбрино тезиса о совместном проживании в Томах греков и гетов (*une vie commune gréco-gète*)³⁶. По мнению исследователя, о независимом, изолированном существовании этих двух этносов в городе говорят и слова Овидия о кровавом обычае гетов решать свои споры с помощью оружия прямо на форуме (агоре) эллинского города. Это обстоятельство, по мнению Ламбрино, свидетельствует об официальном признании греками гетов и их институтов. Выступление Овидия перед гетами рассматривается в этой связи как участие его в манифестации проживающих в городе гетов с целью засвидетельствовать свою лояльность по отношению к новому римскому императору Тиберию.

Признавая наличие чисто греческого элемента в населении и государственном устройстве Том (Ламбрино приводит данные эпиграфики, нумизматики и археологии, свидетельствующие об этом), итальянский ученый, как мы видим, считает возможным вместе с тем признать, что большинство населения составляли геты, а потомки смешанных браков эллинов и варваров носили по преимуществу гетские черты³⁷.

В 1958 г. вышла в свет статья Р. Вульпе «Овидий в городе своей ссылки»³⁸, где автор свел свои наблюдения над произведениями Овидия как историческим источником, сделанные им в предшествующих работах по истории нижнедунайских земель в античную эпоху, — в частности, в фундаментальной «Древней истории Добруджи», опубликованной еще в 1938 г.³⁹

Р. Вульпе в целом высоко оценивает историческую ценность свиде-

³¹ N. I. H e r e s c u, Poeta Getes, «Ovidiana...», стр. 404—405; о н ж е, Ovide le Gétique (Pont. IV, 13, 18: paene poeta Getes), «Atti...», I, стр. 55—80.

³² Ovide le Gétique..., стр. 61 слл.

³³ D. A d a m e ș t e a n u, Sopra il «Geticum libellum» (Pont. 4, 13), «Ovidiana...», стр. 391—395.

³⁴ V. B u e s c u, Trois aspects «roumains» d'Ovide..., «Atti...», I, стр. 235—248.

³⁵ Sc. L a m b r i n o, Tomis, cité gréco-gète, chez Ovide, «Ovidiana...», стр. 379—390.

³⁶ Там же, стр. 389.

³⁷ Там же, стр. 379 сл. См. критику этой концепции в книге: D. M. P i r p i d i, Tomis, cité gèto-grecque à l'époque d'Ovide?, «Athenaeum», LV, 1977, стр. 250—256.

³⁸ Первоначально статья была опубликована в журнале «Studi Romani», VI, 1958, стр. 629—648, под названием «Una città di provincia al limite dell' Imperio romano: Tomi al tempo di Ovidio», позднее — без изменений в «Studi Ovidiani», стр. 38—62, под заголовком «Ovidio nella città dell' esilio», а в 1972 г. в «Revue Roumaine», № 2, стр. 49—50 — сокращенный вариант: «Tomi au temps d'Ovide».

³⁹ R. V u l p e, Histoire ancienne de la Dobroudja, Bucurest, 1938.

тельств Овидия об обстановке, сложившейся к этому времени в Томах, однако подчеркивает, что в произведениях поэта они играют лишь вспомогательную роль в изображении страданий лирического героя — поэта-изгнанника. Отсюда смещение в изображении города в сторону его варварских черт, замалчивание роли греческого населения и его институтов в жизни Том. Рассматривая историю Том до приезда туда Овидия, исследователь отмечает сугубо эллинский его характер, на основании историко-археологических данных рисует картину цивилизованного греческого полиса, центра объединения городов Западного Понта⁴⁰. Это не помешало тем не менее Вульпе принять на веру тезис Овидия о преобладании варваров и их языка в черте города (и, как следствие этого, — о написании поэтом гетских стихов) и других чертах варваризации⁴¹. Даже описание ужасов местного климата Вульпе признает вполне заслуживающим доверия и позволяющим извлекать из него «реалии». Вместе с тем в этой и последующих работах исследователя⁴² содержится немало ценных наблюдений, касающихся военно-политической ситуации на Нижнем Дунае, в которых сведения Овидия, поставленные в широкий историко-археологический контекст, получают большую ценность.

Вообще использование сведений Овидия для характеристики исторических процессов, протекавших в районе Добруджи в начале нашей эры, широко распространено в балканской историографии, в трудах таких крупных историков, как В. Пырван⁴³, Хр. Данов⁴⁴, К. Дайковичу⁴⁵, Д. М. Пипшиди⁴⁶ и др. Следует отметить, что историков, как правило, очень мало волнует проблема достоверности и источниковой ценности его произведений. Чаще всего они принимают те или иные сведения поэта как вполне достоверные факты, которые подтверждают или опровергают те или иные исторические концепции.

Работой, в некотором отношении подводящей итоги предшествующей историографии Овидия как исторического источника, следует признать большой труд Руски Гандевой «Овидий и население античной Добруджи», увидевший свет в 1968 г.⁴⁷ и дополненный рядом статей на близкие темы⁴⁸. В своем

⁴⁰ О н ж е, *Ovidio nella città dell' esilio*, «Studi Ovidiani ...», стр. 44 слл.

⁴¹ Там же, стр. 49—54.

⁴² Многие из них собраны в сравнительно недавно появившейся книге «*Studia thracologica. Hommage au IIe Congrès International de thracologie. Bucarest, 4—10 sept. 1976*», București, 1976. См. также: R. V u l p e, J. V a r n e a, *Romanii la Dunărea de Jos, «Din istoria Dobrogei»*, II, București, 1968.

⁴³ V. P a r v a n, *Getica. O protoistorie a Daciei*, București, 1926.

⁴⁴ Хр. Д а н о в, *Западният бряг на Черно море в древността*, София, 1947; о н ж е, *Към историческия облик на древна Тракия*, II, «Годишник на Софийския университет», XLIII, 1947.

⁴⁵ C. D a i c o v i c i u, *Situatia teritoriului geto-dacic de la Dunărea de Jos în vremes relegării lui Ovidiu*, «Steaua», VIII, 1957, 11.

⁴⁶ D. M. P i p p i d i, *Istoria României*, I, București, 1960; о н ж е, *Contributii la istoria veche a Romaniei*, București, 1967; о н ж е, *I Greci nel Basso Danubio dell' età arcaica alla conquista romano*, Milano, 1971; о н ж е, *Scythica minor: recherches sur les colonies grecques du littoral roumain de la mer Noire*, București — Amsterdam, 1975; о н ж е, *Tomis, cité géto-grecque à l'époque d'Ovide?* стр. 250—256.

⁴⁷ Р. Г а н д е в а, *Овидий и населението на антична Добруджа*, «Годишник на Софийския университет», LXII, 1, 1968.

⁴⁸ С м. о н а ж е, *Socia lingua in der griechischen Polis Tomi zur Zeit Ovids*, в кн.: «*Das Nachleben des Lateinischen in der Feudalgemeinschaft*», В., 1967; о н а ж е, *Über die Sprache der Geten nach Ovids Werken «Tristia» und «Epistulae ex Ponto»*, «Известия на Института за български език», XVI, 1968; о н а ж е, *Moralische und soziale Charakteristik der West- und Nordbalkanbevölkerung bei Varro und Ovid*, «Actes du I-er Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européens», II, Sofia, 1969; о н а ж е, *Zur Beurteilung von Ovids Gedichten aus Verbannung*, «Klio», 51, 1969; о н а ж е, *Трима римски поети за живота, за читателя и за изкуството си*, «Годишник на Софийския университет», LXV, 1, 1971; о н а ж е, *De Ovidio exsule misericordia «turbae Tomitanae regionis» commoto*, «Acta Conventus...».

анализе «Тристий» и «Посланий с Понта» Р. Гандева исходит из тезиса о качественно новой фазе в творчестве поэта в период ссылки, когда место «фиктивной» поэзии ученого поэта александрийского толка заступает новое «реалистическое» изображение духовной жизни изгнанника и окружающей его среды. Это обстоятельство, по мнению исследовательницы, определяет историческую достоверность его повествования, основанного на непосредственных наблюдениях и переживаниях, и «не оставляет места гиперкритике и сомнениям в объективной ценности Овидиевых сведений»⁴⁹. Отсюда — пристальное внимание Гандевой к каждому слову и высказыванию Овидия, стремление видеть за каждым из них реальный факт.

Большая часть книги Р. Гандевой посвящена исследованию этнолингвистической ситуации в Томах с упором на языковые связи и отношения, зафиксированные Овидием. Как и все предшествующие ученые, Р. Гандева не сомневается в написании Овидием «гетской поэмы». На основании краткого «пересказа» этой поэмы в Ер. IV, 13, 23—32 исследовательница ставит вопрос о некоторых фонетических и лексико-грамматических особенностях гетского языка, которые могут быть выяснены, если учесть, что гетский текст был положен на латинский размер (элегический дистих), а те образцы и понятия, которые присутствуют в латинском пересказе, должны были иметь соответствующие эквиваленты в гетском языке. Важное место в работе Р. Гандевой занимает вопрос о *socia lingua* (общем языке), на котором, по общему для большинства исследователей мнению, разговаривали между собой варвары и греки и который был следствием «испорченности» греческого языка под влиянием гетского.

Исследовательница, критически рассмотрев историографию вопроса, попыталась пересмотреть традиционный взгляд на гетизацию греческого языка томитов и, как следствие этого, на варваризацию греческого населения вообще. «Реабилитация» греков как этнически, социально и культурно самостоятельного целого стала одной из задач работы Гандевой. Как мы видели выше, эта проблема ставилась и до Гандевой, но именно ей принадлежит заслуга ясной и решительной ее постановки.

Однако как же решается эта проблема, краеугольная для суждения о взаимоотношениях варваров и греков в Томах? Противоречие между многочисленными указаниями Овидия на варваризацию самих томитов и их языка и чисто эллинистическим характером культурной и общественной жизни томитов, как она выявляется по другим источникам (противоречие, впервые понятое как существенное), Р. Гандева пытается снять и разрешить семантико-филологическим переосмыслением ряда мест у Овидия с целью перенесения на варваров тяжести Овидиевых «обвинений» греков в деградации их языка и культуры. Однако в большинстве случаев такие толкования, призванные привести к общему знаменателю сведения Овидия и факты истории, оказываются натяжками; придаваемый тексту смысл часто выпадает из общего контекста Овидиевых жалоб, является недостаточно оправданным с точки зрения исторической действительности. Невнимание к поэтической специфике и тенденциозности Овидиевых произведений (казалось бы, невозможное после работ Лозована, Ласку и др.), составляющее, как представляется, слабую сторону работы Гандевой, повлекло за собой ряд неубедительных выводов.

Десятилетие, прошедшее после опубликования книги Р. Гандевой, не дало работ, столь же значительных и капитальных. Следует отметить лишь несколько статей румынских исследователей начала 70-х гг., рас-

⁴⁹ Г а н д е в а, Овидий и население..., стр. 83; ср. также о н а ж е, Трима римски поети..., стр. 392; G a n d e v a, Zur Beurteilung..., стр. 275 сл.

смастривающих отдельные аспекты проблемы. Мы имеем в виду, в частности, две работы Г. Бикира о сарматах в низовьях Дуная⁵⁰, в которых автор сопоставляет многочисленные свидетельства о сарматах с археологическими данными, не фиксирующими присутствие сарматов в это время на территории Добруджи. Информация Овидия о сарматах в черте города представляется Бикиру «простым поэтическим вымыслом», призванным пробудить у читателей жалость к изгнанному поэту⁵¹. Высоко отзывается об источниковедческой ценности Овидиевых произведений периода ссылки Г. Штефан⁵², рассмотревший некоторые его данные о борьбе гетов против римского господства в низовьях Дуная. В 1972 г. была опубликована статья М. Мунтяну «Информация Овидия о населении сельской территории Добруджи в сравнении с документальными источниками»⁵³. Автор последовательно сравнивает сведения Овидия о гетах, сарматах, скифах и других племенах Добруджи с данными других античных авторов — Страбона, Помпония Мелы, Плиния, Птолемея — и приходит к выводу, что все его сведения подтверждаются другими источниками и, следовательно, этнографическую информацию Овидия следует считать достоверной и точной. Вызывает, однако, возражение сама правомочность такого сравнения без изучения обстоятельств появления той или иной информации у разных авторов. Известно, например, что большая часть сведений Страбона восходит к его предшественникам, жившим веком, а то и двумя раньше, а диатеза понтийских племен, данная Мелой и Плинием, в значительной своей части воспроизводит источники, восходящие к древнеионийским, еще догеродотовым сочинениям, а потому не может рассматриваться как синхронная написанию данных произведений. Недифференцированное отношение М. Мунтяну к привлекаемым для сравнения произведениям античных авторов снижает ценность его работы. В 1972 г. вышла обобщающая научно-популярная монография В. Барбу «Томис — город изгнанного поэта»⁵⁴, в которой отдельная глава «Овидий в Понте Эвксинском» (стр. 31—43) посвящена оценке свидетельств Овидия о Томах. Эта часть работы базируется в основном на трудах Н. Ласку.

В 1972 г. в Констанце состоялся I конгресс овидиеведов, созданный по инициативе Международного научного общества «Ovidianum». Среди опубликованных в 1976 г. докладов конгресса⁵⁵ некоторые посвящены жизни и творчеству Овидия в изгнании. Так, статья Ж.-М. Андрэ⁵⁶ рассматривает эволюцию Овидиева восприятия «варварства». В семантическое поле этого понятия, как Овидий его воспринимал в ссылке, входят, по мнению французского ученого, такие элементы, как удаленность от Рима, суровость климата, военная угроза, образ жизни, дикость нравов и невежество жителей. В статье А. Арическу⁵⁷ сравниваются результаты последних археологических раскопок в Констанце с данными Овидия о крепостных стенах, башнях, воротах города. Автор приходит к выводу,

⁵⁰ Gh. Bichir, *Sarmații și pătrunderea lor la Dunărea de Jos*, «Peuce», II, Tulcea, 1971; он же, *Sarmații la Dunărea de Jos în lumina ultimelor cercetări*, «Pontica», V, 1972.

⁵¹ Он же, *Sarmații și pătrunderea lor...*, стр. 141.

⁵² Gh. Ștefan, *Daci și romani la gurgile Dunării*, «Peuce», II, 1971, стр. 150.

⁵³ M. Munteanu, *Informațiile, date de Ovidiu despre populația teritoriului rural al Dobrogei, în comparație cu alte izvoare documentare*, «Pontica», V, 1972.

⁵⁴ V. Barbu, *Tomis, orașul poetului exilat*, București, 1972.

⁵⁵ *Acta Conventus omnium gentium Ovidianis studiis fovendis, Tomis a die XXI ad diem XXI mensis Augusti 1972 habiti*, Bucurestini, 1976.

⁵⁶ J.-M. André, *Quid Ovidius de barbaria senserit?* «Acta Conventus...», стр. 79—83.

⁵⁷ A. Aricescu, *Le mud d'enceinte de Tomi à l'époque d'Ovide*, там же, стр. 85—90.

что высказывания поэта, не противореча археологической картине, обогащают наши представления об устройстве укреплений Том. В статье «Аспекты гетской цивилизации и культуры в произведениях Овидия» Р. Вулканеску⁵⁸, касаясь положения внутри Том, отмечает, как и предшествующие авторы (ср., однако, точку зрения Р. Гандевой), наличие процесса гетизации и деэллинизации греков-томитов, отраженного будто бы Овидием, и обосновывает тезис о двух категориях гетов в Добрудже: 1) независимых от Том и создававших для них военную угрозу и 2) гетов, включенных в число томитов и вынужденных обороняться от своих же диких собратьев⁵⁹. Вулканеску разделяет также мнение исследователей о гетизации греческого языка, о смешанном населении города с преобладанием гетского этнолингвистического элемента⁶⁰. Несмотря на то, что еще в 1968 г. Р. Гандева справедливо и не без иронии критиковала Р. Куна за отождествление диких гетов, которым Овидий будто бы читал свою поэму, с теми, кто почтил поэта снятием с него налогов и почетным венком, т. е. с греческой общиной Том и других городов Западного Понта⁶¹. Вулканеску опять не делает различий между гетами и греками⁶². Этот пример может служить лишним подтверждением тому, что именно такое впечатление стремился произвести на своих римских адресатов Овидий, хотя, ввиду несоответствия этой картины действительности, и не мог сделать это открыто.

Совсем недавно появилась монография известного английского историка Р. Сайма «История у Овидия»⁶³. Интересующей нас проблеме уделено здесь всего четыре страницы (стр. 16—18, 164), однако позиция автора не вызывает сомнений: большую часть «местных реалий» (включая написание «гетской поэмы») Сайм приписывает намеренному преувеличению Овидия, его поэтико-риторической фантазии. При этом Сайм составляет для произведений периода ссылки целый каталог явных отступлений поэта от истины, характеризуя их как «flagrant untruths», «arrant description» и тем самым ставя под сомнение достоверность также любого другого сообщения Овидия. Многие наблюдения Р. Сайма, стоящие, как мы видим, особняком в зарубежной историографии, совпадают с выводами советской исследовательницы Н. В. Вулих, еще в 1974 г. выступившей против безоговорочного доверия к свидетельствам Овидия (к сожалению, ее статья осталась Р. Сайму неизвестной).

Такова в общих чертах история изучения «Тристий» и «Посланий с Понта» как исторического источника в зарубежной науке. Основным достижением здесь явилось вычленение из произведений Овидия и накопление материала, относящегося к истории Нижнего Подунавья. Были поставлены многие проблемы источниковедческого порядка, рассматривались вопросы достоверности отдельных сведений Овидия, их интерпретации. Большинство исследователей последнего столетия высоко оценивало достоверность Овидиевой информации об истории Западного Понта несмотря на то, что при этом выявлялись иной раз довольно существенные противоречия (постепенно все более осознаваемые).

⁵⁸ R. Vulcanescu, *Aspetti di civilizzazione e di cultura getica nell'opera d'Ovidio*, там же, стр. 615—622.

⁵⁹ Там же, стр. 615 слл.

⁶⁰ Там же, стр. 620 слл.

⁶¹ См. Гандева, Овидий и население..., стр. 39.

⁶² Там же, стр. 621. Итальянский ученый Р. Аваллоне тоже считает, что признание Овидия в любви к томитам означает перелом в его отношении к варварам (R. Avallone, *De Ovidii elegiaci humanitate et arte*, «Acta Conventus...», стр. 991).

⁶³ R. Syme, *History in Ovid*, Oxf., 1978.

Задача исследования исторических сведений Овидия до сих пор обычно формулировалась так: *что* можно извлечь из понтийских элегий об истории края. При этом в тени оставались не менее важные вопросы: *как* это сделать, каков характер произведений Овидия как исторического источника, что можно считать достоверным, а чему нельзя верить, т. е. при фактографическом использовании Овидиевой информации не принималась во внимание (за исключением редких случаев) внутренняя жизнь этих «фактов» в контексте творчества Овидия.

При почти полном отсутствии иных литературных источников об истории рассматриваемого региона в это время, понятно желание исследователей извлечь из произведений Овидия максимум информации, тем более что при первом их прочтении создается довольно цельная картина окружающей поэта жизни, поданная во внешне «реалистической» и глубоко личностной форме, как отражение действительных перипетий жизни изгнанника. Отсюда — доверчивый пересказ Овидиевых жалоб на варваризацию Том, на невыносимые социальные, культурно-бытовые, климатические и прочие условия жизни.

Отдельные скептические голоса исследователей, сомневавшихся как в общей достоверности Овидиевой информации, так и в отдельных ее частях, тонули в дружном хоре защитников ее правдивости⁶⁴. В чрезмерном доверии к Овидию сказывалось также отсутствие внимания к специфике античного литературного процесса (чаще всего не принимавшегося в расчет вообще), модернизаторский подход к интерпретации «Посланий с Понта», которые уже априори воспринимались как нечто документально-дневниковое, исповедальное и потому достоверное. Важным препятствием здесь оказывалась также неразработанность общеметодологических и методических вопросов, связанных с использованием в качестве исторического источника произведений неисторического жанра.

Основные проблемы, разрабатывавшиеся в зарубежной историографии интересующего нас вопроса, не остались в стороне и от внимания отечественной науки.

Русская и советская историография.

Интерес к творчеству Овидия вообще и периода ссылки в частности возник в России давно, еще в XVII в.⁶⁵ Его оживлению в XVIII в. способствовали такие факторы, как закрепление России на берегах Черного моря, начало археологического изучения памятников античной северно-причерноморской культуры и необходимость в связи с этим накопления и осмысления античных письменных источников, а также увлечение античной мифологией. Интерес к Овидию и его судьбе подогревался также распространенными долгое время легендами и теориями о молдавской или даже южнорусской локализации места ссылки Овидия⁶⁶.

⁶⁴ Характерно, что работа Е. Лозована 1959 г. (см. о ней выше), впервые заострившая внимание на литературно-фиктивном и тенденциозном характере многих так называемых «исторических сведений» Овидия, не упоминается, кроме книги Р. Сайма, ни в одной из последующих работ, проанализированных выше.

⁶⁵ См., например, П. Н. Берков, Овидий в русской литературе XVII — начала XVIII в., «Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы», № 14, 1973, вып. 3, стр. 89. Одно из первых упоминаний «Фастов» Овидия содержится в переводной русской литературе уже в XI в. (см. W. Benešević, Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung, BZ, 25, 1925, стр. 311 сл.; ср. Я. Н. Щапов, Древнерусский календарь на Русь, «Восточная Европа в древности и средневековье», М., 1978, стр. 342—345).

⁶⁶ О разных версиях локализации Том см., например, В а г б у, Tomis..., стр. 7—8. Легенды о местах захоронения Овидия рассматриваются в кн.: А. А. Формозов, Пушкин и древности. Наблюдения археолога, М., 1979, стр. 41—57. Известно то большое внимание, которое проявлял к творчеству Овидия, и особенно Овидия-

Первым русским изданием понтийских элегий поэта явилась публикация латинского текста всех «Тристий» Овидия с русским переводом, осуществленная в 1795 г. профессором Харьковского университета И. Е. Срезневским⁶⁷. К переводу был приложен «Ключ к Плачу Публия Овидия Назона или довольнейший показатель всех собственных имен и главных материй» (стр. 256—320) — исторический, географический, мифологический и реальный комментарий, отражающий уровень развития науки того времени.

Первой русской работой, посвященной непосредственно анализу этнической структуры нижнедунайских областей по сведениям Овидия, была статья главного библиотекаря Публичной императорской библиотеки Рудольфа Минцлова «Рассмотрение понтийских народов, с которыми Овидий познакомился в ссылке», опубликованная в Петербурге в 1853 г. на латинском языке⁶⁸. Она осталась, к сожалению, практически неизвестной последующим исследователям, а между тем в ней содержится множество наблюдений, значительно опередивших свое время и до сих пор не потерявших значения.

Так, анализ скифского этнонима, встречающегося в «Тристиях» и «Посланиях с Понта», приводит автора к выводу об отсутствии у этого имени какого-либо этнографического содержания. Минцлов справедливо говорит о двух значениях скифского этнонима у Овидия: географическом (Овидий живет в «Скифии», т. е. в стране северных варваров) и этическом («скифские», т. е. типично варварские нравы обитателей Добруджи). По мнению Минцлова, обилие этнонимов в повествовании Овидия еще не служит доказательством присутствия этих народов вокруг Том. Только информация о гетах, разнообразная и всесторонняя, может быть объяснена непосредственными наблюдениями поэта. «Об остальных же варварских народах он скорее всего узнавал из уст томитов или же из традиции, передаваемой античными поэтами и писателями»⁶⁹. Для работы Минцлова характерно чувство историзма: сведения Овидия рассматриваются в исторической и хронологической перспективе, отмечается эволюция его познаний этнографии окружающих Тома племен. Вместе с тем Минцлов некритически пересказывает слова Овидия о том, что он овладел местным варварским языком, об испорченности греческого языка в Томах, полном отсутствии латинского и т. д.⁷⁰ Это неизбежно, когда исследователь не выходит за рамки самих Овидиевых «свидетельств», выстроенных поэтом очень убедительно и последовательно.

К чести русской науки следует отметить, что одно из первых научно обоснованных мнений о локализации Овидиевых Том в Констанце (тогдашней Кюстендже) принадлежит русскому историку П. В. Беккеру, в 1854 г. выступившему с большой статьей⁷¹, немалую часть которой за-

изнанника, А. С. Пушкин (Н. В. В у л и х. Образ Овидия в творчестве Пушкина, «Временник Пушкинской комиссии», 1972, Л., 1974, стр. 66—71, см. там же исчерпывающую библиографию вопроса).

⁶⁷ Плач Публия Овидия Назона, М., 1795; см. В. П. Л у ц ь к а, Перший повний переклад «Тристій» Овідія в Росії, «Іноземна філологія», вип. 32. Питання класичної філології, № 11, Львів, 1973, стр. 74—82.

⁶⁸ R. M i n z l o f f, Recensio populorum Ponticorum, quos Ovidius exul notos habuit, tiré du «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg», t. X, 1853, № 20—21.

⁶⁹ Там же, стр. 248.

⁷⁰ Там же, стр. 260.

⁷¹ П. В. Б е к к е р, Материалы для древностей города Тома и соседних ему приморских городов Понта Эвксинского, «Прописи», IV, М., 1854, стр. 255—309. Справедливости ради заметим, что еще лет за двадцать до Беккера Тома были отождествлены с Кюстенджи поэтом и любителем древностей В. Г. Тепляковым (см. Ф о р м о з о в, Пушкин и древности, стр. 51 сл.).

нимает сопоставление сведений Овидия о природном расположении Том с физико-географическими характеристиками Кюстенджи⁷².

Дальнейший обзор отечественной литературы по Овидию удобнее построить по трем направлениям: 1) историческая литература, привлекавшая сведения Овидия как источник для реконструкции исторической и этнографической ситуации на Нижнем Дунае; 2) литературоведческие работы о томитанском периоде творчества поэта и 3) специальные историко-литературоведческие штудии.

Особого упоминания заслуживает широко использовавшаяся историками публикация текста и перевода фрагментов понтийских произведений Овидия, осуществленная в начале XX в. выдающимся русским филологом и историком В. В. Латышевым в составе капитального свода античных источников «Scythica et Caucasica»⁷³, который и сейчас остается настоящей книгой каждого исследователя античного периода отечественной истории. Вместе с тем следует заметить, что изданная с прозаическим русским переводом без вступительной статьи и комментария подборка выдержек из Овидия, лишенная, таким образом, поэтического и вообще литературного контекста, действительно может произвести впечатление цепи объективных свидетельств⁷⁴ и исказить восприятие содержащейся в них информации у тех, кто не обратился к полному оригинальному тексту произведений поэта или специально не занимался их изучением в историческом аспекте⁷⁵.

Поскольку основная масса сведений Овидия относится к территории Добруджи, больше всего к творчеству Овидия обращались историки, писавшие об истории западнопонтийского побережья. Значительный интерес в этой связи представляют работы Т. В. Блаватской⁷⁶ и Т. Д. Златковской⁷⁷.

Существенным вкладом в проблему понимания данных Овидия о варваризации Том являются исследования Т. В. Блаватской о социально-экономической, политической и культурной жизни западнопонтийских городов, которые, по ее мнению, на протяжении всего доримского периода сохраняли типично эллинский характер во всех сферах своей жизни⁷⁸. «Находясь на краю огромной территории, населенной фракийцами и скифами, — пишет исследовательница, — греческие города Западного Причерноморья не стали частью греко-варварского царства, подобного Боспору»; «недолговечные союзы аристократии греческих городов с местной варварской знатью не привели к появлению такого государственного

⁷² Там же, стр. 272 слл.

⁷³ Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 1, СПб., 1904, стр. 69—108.

⁷⁴ Это впечатление еще более сильно в переиздании латышевской подборки выдержек из Овидия (уже без латинского текста, который мог в какой-то степени корректировать восприятие перевода) в ВДИ, 1949, № 1, стр. 222—243.

⁷⁵ По-видимому, последним объясняется беглая характеристика данных Овидия, какую мы находим у М. И. Ростовцева: «Наиболее живым и реальным после картины, данной Геродотом и особенно Гиппократом, является тот образ сарматов, скифов и фракийцев, который нарисовал Овидий в своем изгнании» (М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических, Л., 1925, стр. 11; ср. стр. 109).

⁷⁶ Т. В. Блаватская, Греки и скифы в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1; она же, Внутреннее устройство западнопонтийских городов в эпоху их автономии, ВДИ, 1949, № 3; она же, Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э., М., 1952.

⁷⁷ Т. Д. Златковская, Мезия в I—II веках нашей эры, М., 1951.

⁷⁸ Блаватская я. Внутреннее устройство..., стр. 45; она же, Западнопонтийские города..., стр. 206 слл., 235 слл.

стройка, при котором господствующим слоем стала бы греко-варварская аристократия»⁷⁹. Эти выводы Т. В. Блаватской были приняты румынскими и болгарскими учеными, исследовавшими творчество Овидия как источник по истории Нижней Мезии⁸⁰, и не в малой степени повлияли на постановку ими вопроса о чистоте греческого элемента Том (см. выше).

Отмечая высокий культурный уровень городов Западного Понта, Т. В. Блаватская объясняет жалобы Овидия на невежество томитов поэтическим преувеличением⁸¹, она рассматривает сведения Овидия о занятии томитов сельским хозяйством⁸², о военно-политической ситуации в Добрудже⁸³ и т. д. Признавая за ними несомненную источниковую ценность, исследовательница в то же время отдает себе отчет в их тенденциозности. «Тристии» и «Послания с Понта», по ее мнению, «представляют действительность в слишком мрачных тонах: после столичной жизни город Тома казался Овидию значительно большим захолустьем, чем он был на самом деле. Опасности, которым подвергались томитяне, Овидий тоже, вероятно, преувеличивал, желая вызвать к себе сочувствие»⁸⁴.

Высоко оценивает достоверность сообщений Овидия Т. Д. Златковская: «Несмотря на мрачные тона, которыми поэт рисует картину жизни в Томи, все же в основе его посланий с Понта лежит достоверное отображение окружающей действительности»⁸⁵. «Бесспорно, — замечает далее Т. Д. Златковская, — послания поэта с Понта не вымысел, а достоверная летопись событий, в которой легко отделить факты от той субъективной окраски, которую придает им восприятие изнеженного знатного римлянина»⁸⁶. Если учесть, что дальнейший разбор свидетельств Овидия о жизни Тома ограничивается приведением лишь нескольких его высказываний в основном внешнеполитического и социально-экономического характера, которые действительно можно считать достаточно достоверными, то следует признать, что Т. Д. Златковской в целом удалось «отделить факты от субъективной окраски» и не впасть в нередкую у историков ошибку в оценке варваризации Тома⁸⁷. Интересные результаты получает Т. Д. Златковская при интерпретации сообщений Овидия о захвате северодунайскими гетами крепостей Эгис и Тресмис⁸⁸ и некоторых других вопросов истории Нижней Мезии.

В трудах русских и советских историков литературы — В. И. Модестова, Ф. Ф. Зелинского, Д. Нагуевского, Н. Ф. Дератани, М. И. Покровского, А. И. Белецкого, И. М. Тронского, К. П. Полонской, Е. А. Берковой, М. Л. Гаспарова и др. — нашли свое отражение многие стороны творчества Овидия в изгнании. Оценки их зачастую расходятся. Остановимся лишь на наиболее существенных высказываниях, относящихся к проблеме отражения в томитанских произведениях Овидия той действи-

⁷⁹ Она же, Внутреннее устройство..., стр. 45.

⁸⁰ См., например, L a s s u, Rămîntul și vechii locuitorii..., стр. 163 слл.; Г а н д е в а: Овидий и население..., стр. 46, 90, 94, 101.

⁸¹ Б л а в а т с к а я, Западнопонтские города..., стр. 235.

⁸² Там же, стр. 185.

⁸³ Там же, стр. 181.

⁸⁴ Там же, стр. 5.

⁸⁵ З л а т к о в с к а я, Мезия..., стр. 33.

⁸⁶ Там же, стр. 34.

⁸⁷ Ср. ее осторожную, взвешенную позицию в этом вопросе на стр. 36: «Даже если Овидий и преувеличивает, говоря, что „варвары занимают большую часть домов в Томи“, то все же представители различных племен составляли, по-видимому, немалый процент среди жителей греческих городов». Эта оценка варваризации Тома отличается от привычного доверчивого пересказа слов Овидия о мощной гетизации греческого города.

⁸⁸ З л а т к о в с к а я, Мезия..., стр. 43 слл., 52.

тельности, которая окружала поэта в изгнании. Эти, казалось бы, чисто литературоведческие споры имеют непосредственный выход в область интерпретации исторических сведений Овидия.

Замечательный образец глубокого проникновения в специфику античного сочинительства вообще и Овидиева творчества в ссылке в частности представляет собой обширная вступительная статья Ф. Ф. Зелинского к книге переведенных им «Героид»⁸⁹. Анализируя принципы художественного построения «Тристий» и «Посланий с Понта», он пишет: «Увы! Ни о крае, ни даже о душе поэта мы многого из этих поэм не узнаем... Современному читателю трудно вдмататься в эту психологию, но факт остается фактом... Едва почувствовав себя изгнанником, он стал искать и в себе, и в своем положении тех же господствующих примет, которые позволили бы ему типизировать, так сказать, свою участь, превратить ее в своего рода „прогимназму“ об изгнании»⁹⁰.

Далее Зелинский перечисляет основные мотивы («господствующие приметы»), которые используются Овидием и как составные элементы построения образа «поэта в изгнании»; среди них он отмечает и «место изгнания, обязательно суровое и неприветливое»⁹¹. Воспитанный на риторике⁹², учащей в каждом индивидуальном случае искать и показывать приметы типического, «поэт всячески старается подвести себя и свою судьбу под этот общий канон — в этом его последнее утешение... Конечно, для поэтического воспроизведения этого канона нужна была не столько наблюдательность, сколько начитанность... Вот причины, почему мы из последних стихотворений Овидия узнаем о его жизни в изгнании далеко не столько, сколько мы были бы вправе ожидать, но кое-что мы все-таки узнаем»⁹³. И все-таки Ф. Ф. Зелинский не устоял перед соблазном включить в это «кое-что» слова Овидия об изучении им местных языков, что, естественно, привело ученого к отождествлению греков, окруживших поэта заботой и вниманием, с гетами, перед которыми он будто бы прочел свою поэму, написанную на их языке⁹⁴. Интерес Ф. Ф. Зелинского к литературно-риторическому контексту произведений Овидия оказался, на наш взгляд, плодотворным для понимания характера содержащейся в них информации. Эта позиция была затем продолжена и развита в работах К. П. Полонской⁹⁵, Н. В. Вулих⁹⁶, М. Л. Гаспарова⁹⁷.

Принципиально иную трактовку творческой манеры Овидия периода ссылки мы можем видеть в работах М. М. Покровского⁹⁸, А. И. Белецко-

⁸⁹ О в и д и й, Баллады-послания. Пер., вступ. статьи, комм. Ф. Зелинского, М., 1913, стр. IX—XLIII.

⁹⁰ Там же, стр. XXXV—XXXVI.

⁹¹ Там же, стр. XXXVI.

⁹² Большую и интересную работу посвятил изучению риторических приемов у Овидия Н. Дератани (N. D e r a t a n i, *Artis rhetoricae in Ovidii carminibus praecipue amatoriiis perspicuae capita quaedam*, «Ученые записки Московского ун-та, отдел истории и филологии», 1916, вып. 45). Ср. Н. Д е р а т а н и, Из области реторики Овидия, «Гермес», 1913, № 3.

⁹³ З е л и н с к и й, ук. соч., стр. XXXVI—XXXVII.

⁹⁴ Там же, стр. XXXVII—XXXVIII.

⁹⁵ К. П. П о л о н с к а я, Овидий, в кн. «История римской литературы», под ред. Н. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 306—326; она же, в кн.: В. Н. Я р х о, К. П. П о л о н с к а я, Античная лирика, М., 1967, стр. 194 сл.

⁹⁶ Н. В. В у л и х, «Тристий» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник, ВДИ, 1974, № 1, стр. 64—79.

⁹⁷ М. Л. Г а с п а р о в, Овидий в изгнании, в кн.: П у б л и й О в и д и й Н а з о н, Скорбные элегии. Письма с Понта, М., 1978, стр. 189—224.

⁹⁸ М. М. П о к р о в с к и й, История римской литературы, М.—Л., 1942, стр. 239—277.

го⁹⁹, П. А. Иванова¹⁰⁰, Е. А. Берковой¹⁰¹. Эти авторы высказывают мысль о новом, «реалистическом» этапе творческого пути Овидия, когда «мы сталкиваемся с изображением настоящих глубоких переживаний Овидия, с проявлением его подлинных чувств»¹⁰². По мнению Е. А. Берковой, «развитие творчества Овидия шло по линии преодоления александрийских образцов и создания новой, качественно отличной от александрийцев литературы: это был путь от „Любовных элегий“ к „Скорбным элегиям“, к подлинно лирической поэзии... Изображая суровый быт и безотрадную природу своего нового местопребывания, он выдвигает новый мотив, мотив реализма в искусстве»¹⁰³. А. И. Белецкий также считал, что в понтийских произведениях Овидию «впервые пришлось посмотреть на жизнь прямо, не сквозь прозрачный, узорный покров, сотканный литературой»¹⁰⁴. Не случайно, по-видимому, именно на этих двух исследователей охотно ссылается Р. Гандева, для которой «реализм» Овидия является исходной посылкой в признании высокой степени достоверности исторической информации поэта. Еще дальше в утверждении «нового реализма» Овидия в произведениях ссылки пошел П. А. Иванов, считающий «Тристии» и «Послания с Понта» «первым образчиком субъективно-лирических произведений, близких по характеру построения новому времени»¹⁰⁵. Как «воплоть наболевшей души» характеризует он главное содержание понтийских элегий, полемизируя с позицией Ф. Ф. Зелинского и других ученых. Отсюда — постоянные, хотя и не подтвержденные анализом текстов, утверждения Иванова о реалистичности творческой манеры позднего Овидия и, как следствие этого, признание достоверности Овидиевых описаний климата, природы, нравов и быта местного населения¹⁰⁶.

Аргументированным ответом на такое понимание томитанского творчества Овидия представляется нам недавняя статья М. Л. Гаспарова «Овидий в изгнании»¹⁰⁷, в которой нашли свое развитие и завершение идеи, высказанные ее автором еще в 1973 г.¹⁰⁸

Овидий и в ссылке остается поэтом, переплавляющим личный опыт, личные чувства в нечто условное и объективированное, «остается верен своей обобщающей и логизирующей поэтике». «Мы узнаем, — пишет М. Л. Гаспаров, — что старый Овидий был сослан, но с трудом выискиваем в его описаниях ссылки такие подробности, которые приложимы только к Томам и ни к какому другому северному месту. Нет, Овидий не искал в своих стихах индивидуального: он искал условного, и для того, чтобы

⁹⁹ А. И. Белецкий, Овидий Назон и его творчество, в кн.: Публий Овидий Назон, Метаморфозы, пер. С. Шервинского, М.—Л., 1937, стр. VII—XXX.

¹⁰⁰ П. А. Иванов, Творчество Публия Овидия Назона времени ссылки его в г. Томи, Автореф. канд. дисс., Киев, 1955.

¹⁰¹ Е. А. Беркова, Овидий, в кн. «История римской литературы», т. I, М., 1959, стр. 439—462.

¹⁰² Беркова, Овидий..., стр. 454; см. также Покровский, История..., стр. 275. Ср., однако, в его более ранней работе: «У Овидия проблески искреннего диризма буквально тогнут в искусственной и шаблонной мишуре, заимствованной из его прежних произведений» (М. М. Покровский, Материалы для характеристики Овидия, ЖМНП, 1904, июль, Отд. V, стр. 6).

¹⁰³ Там же, стр. 459.

¹⁰⁴ Белецкий, Овидий Назон и его творчество..., стр. XXIII.

¹⁰⁵ Иванов, Творчество..., стр. 16, ср. стр. 12, 14—15.

¹⁰⁶ Там же, стр. 14. Следует отметить низкий в целом научный уровень этой работы: анализ особенностей художественной структуры элегий подменен здесь поверхностным пересказом их содержания, выводы ничем не аргументируются, кроме как ссылкой на авторитет нескольких ученых, да и большая часть реферата представляет собой компиляцию (иногда дословную) из работ Тронского, Полонской и др.

¹⁰⁷ См. выше прим. 97.

¹⁰⁸ М. Гаспаров, Три подступа к поэзии Овидия, в кн.: Овидий, Элегии и малые поэмы, М., 1973, стр. 5—32.

изобразить это условное, использовал все свое словесное мастерство»¹⁰⁹. Идя вслед за Ф. Ф. Зелинским, Гаспаров отмечает «продуманное художественное построение» понтийских произведений Овидия, говорит о сознательном создании им нового жанра — стихов об изгнании, — выросшего на основе жанров элегии и стихотворного письма, которые он уже испробовал на «Героидах»¹¹⁰. Описание условий местной жизни оказывается лишь одной из тем создаваемого жанра. Перечислив весь набор мотивов этой темы, Гаспаров отмечает: «При этом бросается в глаза, что все они заранее знакомы и Овидию, и читателям из популярных географических и этнографических книг — все это были факты настолько общеизвестные, что даже нет нужды искать для них те или иные „источники Овидия“»¹¹¹. Анализ структуры «Тристий» и «Посланий с Понта», проведенный М. Я. Гаспаровым, убеждает, что нельзя относиться к ним как к «достоверной летописи событий», как к проявлению новой «реалистической» линии в творчестве Овидия, побуждает к переоценке достоверности его сведений.

И все-таки снова мы должны констатировать парадокс, характерный, вероятно, для большинства филологов, недостаточно детально знакомых с историей Западного Понта и не связывающих, как правило, проблемы творческого развития поэта с вопросами исторического источниковедения: Гаспаров пересказывает как заведомо достоверную данность (хотя и ссылается при этом лишь на высказывания Овидия) его жалобы на то, что «но-латыни в городе не говорил никто: большинство горожан составляли геты и сарматы, буйные и драчливые, меньшинство греки, давно перенявшие и варварский выговор, и варварскую одежду...»¹¹², о том, что Овидий написал по-гетски стихи об апофеозе Августа¹¹³ и т. д.

Из работ, появившихся после статьи Р. Минцлова и непосредственно связанных с источниковедческой проблематикой произведений Овидия, можно назвать лишь четыре.

Это небольшая заметка В. Ф. Штифтара «Овидий и Геродот»¹¹⁴, автор которой утверждает, что Овидий был знаком с «Историей» Геродота, «оставившей следы на его произведениях». Из этого интересного и справедливого наблюдения можно было бы сделать вывод о вторичном, книжном характере некоторых Овидиевых свидетельств о народах и племенах Нижнего Дуная, однако В. Штифтар приходит к заключению, что совпадение сведений поэта со сведениями Геродота, описывавшего этническую ситуацию за четыре с лишним века до Овидия, показывает, «насколько добросовестно и правдиво Овидий описывал место своего изгнания»¹¹⁵.

Следующие две работы источниковедческого характера появились лишь через 50 лет в связи с 2000-летием поэта. Авторы этих работ — Л. М. Черфас¹¹⁶ и И. У. Кобов¹¹⁷ — считают произведения Овидия вполне досто-

¹⁰⁹ Там же, стр. 16.

¹¹⁰ Г а с п а р о в, Овидий в изгнании..., стр. 202 сл. Представление о последних произведениях Овидия как «крике истерзанной души» представляется Гаспарову наивностью романтиков XIX в., модернизаторски подходивших к оценке Овидия. Эту наивность автор считает поколебленной еще на рубеже XX в. (со ссылкой на работу Ф. Ф. Зелинского), однако рецидивы ее встречаются, как мы видели, и гораздо позже.

¹¹¹ Там же, стр. 207.

¹¹² Там же, стр. 204; ср. Г а с п а р о в, Три подступа..., стр. 14.

¹¹³ О н ж е, Овидий в изгнании..., стр. 223.

¹¹⁴ В. Ш т и ф т а р, Овидий и Геродот, ЖМНП, 1910, май, отд. V, стр. 238—242.

¹¹⁵ Там же, стр. 242.

¹¹⁶ Л. М. Ч е р ф а с, Tristia Овидия о причинах и первых годах ссылки. (В связи с 2000-летием со дня рождения Овидия), «Ученые записки Латвийского гос. университета», т. 29. Филологические науки, вып. 35, 1959.

¹¹⁷ И. К о б о в, Опис населення і природи західного Причорномор'я в творах Овідія, в кн.: Публіч Овідій Назон. До 2000-річчя з дня народження, Львів, 1960, стр. 42—50.

верным источником и ограничиваются простым пересказом его слов об обстановке в Томах и на Нижнем Дунае¹¹⁸, принимая (без доказательств) его утверждения о смешанности населения Том, преобладании там гетов, наличии в городе скифов и сарматов и т. д. и т. п.

И, наконец, в 1974 г. вышла работа Н. В. Вулих «„Тристии“ и „Послания с Понта“ как исторический источник»¹¹⁹. Эта небольшая по объему статья открывает, на наш взгляд, страницу в изучении Овидия. Для иллюстрации новизны и остроты постановки проблемы достаточно сослаться хотя бы на такой факт: Н. В. Вулих впервые в научной литературе обосновала сомнение в том, что поэт выучил два варварских языка и написал на гетском языке поэму, с рецитацией которой будто бы выступил на собрании гетов¹²⁰, — а ведь в этом «факте» не сомневалось подавляющее большинство упомянутых выше ученых. Вспомним также, что это обстоятельство на протяжении более чем столетия рассматривалось как один из главных показателей варваризации Том, а Р. Гандева, например, около 20 страниц своей работы посвятила анализу гетского языка, каким он представляется из латинского пересказа «гетской поэмы».

На наш взгляд, такая радикальная по существу постановка вопроса не может рассматриваться как какое-то случайное отклонение от широко принятого мнения или неоправданный парадокс. Написанию этой статьи предшествовало 15 лет изучения различных аспектов мировоззрения и творчества Овидия (в основном на материале «Метаморфоз») ¹²¹. Глубокое проникновение в духовный мир и психологию Овидия, понимание способа его жизни в литературном творчестве, законов его сочинительства не могли не обратить внимания исследовательницы, когда она приступила к анализу «Тристий» и «Посланий с Понта», на их поэтическую специфику. С другой стороны, следует отметить хорошую осведомленность автора в исторической ситуации, сложившейся в западнопонтийских городах ко времени ссылки туда Овидия. Таким образом, можно сказать, что в работе Н. В. Вулих удачно слились две линии в изучении Овидия, ранее существовавшие как бы раздельно: штудии историков, которые зачастую плохо понимали законы поэтического творчества и потребителиски использовали его сведения, и исследование литературоведов, которые, как правило, не касались источниковедческих проблем, хотя и создали предпосылки для их понимания.

Подчеркивая, что поэзия Овидия периода ссылки является «драгоценным источником» по истории западнопонтийских городов, Н. В. Вулих указывает, однако, что «чрезмерное доверие к Овидию и забвение того обстоятельства, что поэтический памятник требует к себе особого подхода, приводит некоторых зарубежных ученых к ошибочным выводам и всякого рода „фантастическим“ предположениям»¹²².

Рассмотрение сведений Овидия о климате и пейзаже Томитанской земли позволяет автору поставить вопрос о законах воспроизведения «реа-

¹¹⁸ Черфас, *Tristia* Овидия..., стр. 426 слл.; Кобив, *Опис...*, стр. 43 слл.

¹¹⁹ ВДИ, 1974, № 1, стр. 64—79.

¹²⁰ Там же, стр. 65, 72, 76—77. Вообще говоря, сомнение в достоверности этого «признания» Овидия уже высказывалось до Н. В. Вулих; ср., например, W. Kroll, *Studien zum Verständnis der römischen Literatur*, Stuttgart, 1924, стр. 87: «Овидий желает вызвать сочувствие своим рассказом о том, что он был вынужден выучить гетский язык, и стыдится своего гетского стихотворения про Августа (безусловно, поэтическая выдумка)». На той же точке зрения стоит и Р. Сайм (*History in Ovid...*, стр. 17: «It is only a piece of phantasy»).

¹²¹ См. Н. В. Вулих, *Мировоззрение и художественный стиль Овидия. (Поэма «Метаморфозы»), Автореф. докт. дисс., Л., 1977. Там же на стр. 35—36 см. перечень работ автора.*

¹²² Вулих, «Тристии»..., стр. 64.

лий» в поэтических произведениях Овидия. «Основываясь на ряде реальных фактов,— пишет Н. В. Вулих,— Овидий создает в своих элегиях своеобразный псевдомир, в котором реальность сочетается с привычными для образованного римлянина представлениями о далеком севере, о варварах, об их обычаях и правах. Историк, ищущему новых «реалий» в произведениях изгнания, очень важно разобраться в самой манере работы поэта»¹²³. Шаг за шагом исследовательница прослеживает, как «из крупиц реальности вырастает гиперболизированный „обобщающий образ“ места изгнания»¹²⁴, основанный во многом на привычных для римской публики трафаретных представлениях о северной стране.

Особое внимание Н. В. Вулих уделяет проблеме взаимоотношений Овидия с местными жителями Том. Рассказы Овидия о его душевных беседах с гетами, о его овладении местными варварскими языками и выступлении перед гетами с «гетской поэмой» представляются ученому «поэтическими декорациями», призванными представить в максимально мрачных красках варварство окружающей его жизни. Буквальное прочтение Овидия ограничивает исследователя теми рамками, «какие поставил своим читателям сам поэт, постоянно изображающий себя в окружении гетов и скифов»¹²⁵. Н. В. Вулих отмечает противоречие между этими «декорациями» поэта и археологическими данными, показывающими, что «римский поэт провел годы изгнания в греческом городе, для которого были типичными элементы греческой культуры и греческого образа жизни»¹²⁶. Анализ последних «Посланий с Понта», показывающий, что Овидий в последние годы жизни выступал в роли носителя римской идеологии и культуры и в этом своем качестве пользовался признанием томитов, под которыми он здесь определенно имеет в виду греков, позволяет Н. В. Вулих под «гетским поэтом», как называет себя Овидий, «понимать стихотворца, пользовавшегося греческим языком и выступавшего перед обитателями греческого города»¹²⁷.

Конечно, работа Н. В. Вулих не решила, да и не претендовала на решение всех проблем, связанных с интерпретацией Овидиевых сведений о Западном Причерноморье, однако в ней четко поставлены проблемы методики изучения поэтического текста как исторического источника и с помощью этой методики получены некоторые принципиальные выводы исторического характера.

Рассмотрение зарубежной и отечественной историографии вопроса, выявляя основные направления в его изучении, логику научного развития, дает возможность яснее сформулировать насущные и актуальные проблемы, которые стоят перед источниковедческой наукой в области интерпретации исторических сведений поэтического источника¹²⁸.

А. В. Подосинов

¹²³ Там же, стр. 6.

¹²⁴ Там же, стр. 68.

¹²⁵ Там же, стр. 72.

¹²⁶ Там же, стр. 73.

¹²⁷ Там же, стр. 76.

¹²⁸ О некоторых из них см. А. В. Подосинов, Произведения Овидия как источник по истории Северного и Северо-Западного Понта, Автореф. канд. дисс., М., 1979.